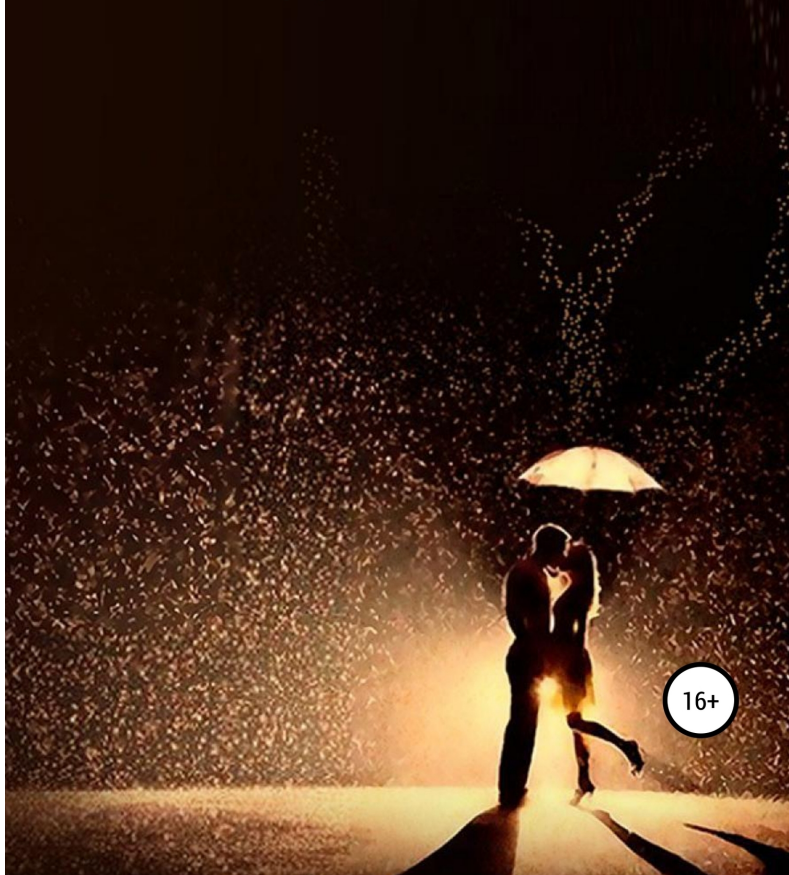

Последняя схватка

16+

Александр Яременко

Александр Яременко

Последняя схватка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55805657

SelfPub; 2020

Аннотация

Каждый твой ход уже предопределен, но вот последнее сражение – сможешь ли выстоять? Главному герою предстоит пройти тяжелейшие испытания, обрести и потерять, но в конце увидит он свет или тьму?

Я смотрел в окно, слушая звук, скользящих под окнами машин. Они уезжали, не оставляя ни единого шанса на возвращение, что бросало меня в тоску. Взгляд был отрешен, а в руках томился стакан охлажденного виски с кубиками льда внутри, что плавно бултыхались, постукивая стенки стакана. Я делал глоток за глотком, провожая все автомобили под окном, и слушал звук мимо скользящих шин...

– Жизнь безвозвратно уходит, – думал я, – как и эти машины, одна за одной, так и жизнь: минута за минутой, день за днем, год за годом, и это оставляло отчетливое ощущение приближения последнего момента, дыхания которого слегка щекотало шею, но меня он не страшил, просто не давала покоя мысль, что можно уйти, не оставив за спиной красивую историю жизни, ну или хотя бы дня. Хотелось уйти, с чувством завершенности, что у тебя в жизни произошло что-то значимое, но этого не было. Меня обуяло разочарование, которое без остановки преследовало и по сей день. А все попытки с ним совладать были тщетными, поэтому более ничего и не оставалось, как выиграть эту последнюю битву. Я не хотел, чтобы эта старая дева одержала верх надо мной.. Понятно, что в любом случае, этого не суждено избежать, но, просто, ещё раньше я для себя решил, когда мои силы иссякнут, и придет время дышать на ладан, что вот сейчас последний вздох дышит мне в спину, я приму бой с гордостью.

Я допил свой виски, а стакан, отбивающий лунные лучи,

оставил стоять на столе и отправился на кухню за ножом, выключил свет и включил Баха. Я сидел и слушал его «Звуки рождают мысли», произведение которое вдохновляло меня на подвиги, идти за чем-то более значимым, что имеет смысл существования. Пожалуй, благодаря именно Баху у меня и хватало сил продолжать это сражение длинное в жизнь. Мо-ему удивлению не было предела Я и сейчас не мог образумиться, какая сила скрыта за этой музыкой, красота, изящество, любовь. Я знал, что мне пора это сделать. Стрелка часов пробила 22:20. Ещё немного, десять минут, дослушаю только. И вот компьютер затих, мелодия кончилась. Я еще раз мельком бросил свой взгляд в окно, небо было яркое, а звезды все также прекрасны. Я закатал рукав рубашки, положил руку на стол и провел лезвием поперек вены, рука защемила, кровь потекла по бокам. Я почувствовал легкое онемение и слабость, сон начал одолевать, с последних сил я смог себя одолеть и поднялся, чтобы еще раз насытиться жизнью, ее едким, сладострастным ароматом, что пьянил меня, но и выворачивал наизнанку.. Уж очень хотелось ещё раз увидеть жизнь, к которой мне тяжело было прикоснуться. Я посмотрел в окно. Жизнь уходит. Сон побеждает. И вот лежу на полу, голова кружится, а глаза закрываются. Я ухожу. Прощай этот мир...

Я проснулся на больничной койке, в светлой одноместной палате. Она была настолько светлой, что, когда я открыл глаза, мне было тяжело удержать взгляд на чем-то определен-

ном более нескольких секунд. Я машинально их закрывал. Но спустя пару минут удалось смириться с этим и нормально смотреть, но вот только ужасная жажда пить меня томила, а любая мысль о какой-то жидкости выглядела настолько привлекательно, что даже место в благом Раю потерпело мгновенное фиаско. Напротив в кресле согнувшись спала моя соседка. Видимо это она и спасла меня. Первая мысль, которая пришла в голову: «Почему я не умер». Я был разочарован, неужели и в этой последней мне не удалось одержать победу. Я потерпел фиаско в сражении со смертью, хотя в этой конец всегда один. В палату зашел доктор.

– Проснулись? – спросил он.

– Проснулся, – я ответил.

– Вы знаете, в своей жизни я насмотрелся на трупов дальше некуда. У меня было достаточно для этого возможностей, и всегда все одно и то же: мертвые, пустые, в фекалиях, обмоченные. Вы, благодаря этой женщине, – кивком он указал на спящую соседку, – живы. За что Вам стоит ее благодарить.

– Все мы станем одними из них, – сказал я и повернул голову к окну

– Станный вы человек, вроде немолодой, умный, а так поступаете. Поправляйтесь, – сказал он и вышел.

Соседка проснулась от нашего разговора.

– Доброе утро, Максим, – сказала она.

Я ничего не ответил, а лишь и дальше продолжил отрешенно смотреть в окно. Птицы пели, день был солнечный,

небо ясное, лишь где ни где мелькало какое-то облако. Мне вот было интересно, зачем они меня вернули. Я же их не просил, а может это был мой час, момент моего взлета, момент, когда человек достигает пика своего счастья. Я только хотел доказать, что тоже вправе победить в этой игре, но оказывается и здесь я проиграл.

– Максим, вы можете со мной не разговаривать, но от этого ничего не изменится, – сказала она.

– Вы знаете, насколько прекрасный этот мир в последний миг, – сказал я, – когда ты понимаешь, что пробил тот час, ты видишь то, что не видел, слышишь то, что не слышал, какой прекрасный Бах в этот момент, а Моцарт, а Вагнер «Лунная соната», их музыка меня пленила. Она полна волшебства, которое берет в свои тиски весь мир. Это миг прозрения, именно тогда она играла везде, в каждом лепестке, в каждом вздохе и выдохе, которые становятся такими чувственными, полными. Какие ж они прекрасные. Я так наслаждался этим моментом, а Вы взяли и забрали его у меня, – сказал я.

Она поднялась с кресла, подошла ко мне, на её лице так и сияла материнская улыбка, нежная, полная любви и кротости улыбка. Она нагнулась и поцеловала меня в лоб.

– Вы уже взрослый человек, Максим, но если я вас спасла, значит Вам надо жить. Не всегда конец там, где заканчивается дорога, – сказала она и вышла с палаты.

– А я всего лишь не хотел проиграть, – сказал я и закрыл глаза. Сон начал меня брать, веки стали тяжелыми, мозг за-

медлился, я уснул.

Проснулся я вечером от какого-то стога. Это уже был поздний час, когда единственное, что ты слышишь, – это кровь, что течет по венам. Свет был потушен. Я ещё раз закрыл глаза с надеждой, что уйду, но я так и не ушел. Стоны, что доносились до меня, так и донимали свою жертву. Ее боль нельзя было описать или сдержать, но только смиренно сносить, моля о пощаде. Я встал с кровати и пошел посмотреть. В коридоре свет тоже был уже потушен, дежурная медсестра спала на диване, повернувшись к стене, а стон и дальше глухим эхом разносился по всей больнице с другого конца коридора, куда я подошел спустя несколько минут. Дверь была еле-еле приоткрыта, надпись на ней гласила «для тяжелобольных». Я заглянул во внутрь, на одной из кроватей лежал дедушка лет 70, возле него сидела такая же старая бабушка и держала его за руку, гладила по голове, она смотрела на него, как я всегда хотел, чтобы смотрели на меня. Этот отчаянный взгляд, потерявший любые надежды, но полный верности и любви. Она любила его. Как же она любила его. Именно ее глаза и выдавали хотя, хотя прекрасно, как и она, так и он, понимали, что время уже подходит к концу. В ее глубоких, потерянных глазах читались жалость и боль, которым не было предела. Мужчина все кричал и кричал без умолку. Как же он страдал. Вот только даже с этой болью его уста излучали слегка заметную улыбку каждый раз, когда он смотрел на свою уже пожилую супругу. Я ещё раз посмотрел

на них и пошел на балкон. Месяц был сегодня божественно прекрасным. Светлая ночь, я мог быть среди этих звезд, но даже эту битву я проиграл. Я стоял и смотрел на небо, легкий ветер обдувал мое лицо, пели соловьи.

– Красиво, правда, – сказал детский голос у меня за спиной. Я обернулся, и увидел юного паренька, лет 16. Он подошел по ближе и стал у самого края.

– Красиво, – ответил я.

Он достал сигарету и закурил.

– Ещё будет? – спросил я. Он протянул мне пачку, я взял одну и подкурил. Я выпускал дым раз за разом.

– Как Вы сюда попали? – спросил он меня.

– На смотри, – сказал я и показал ему свою руку.

– Устали от жизни? – спросил он меня.

– Не то, чтобы устал. Просто понял, что пришло время, но не хотел, чтобы смерть меня взяла, хотел сам уйти. Хотел выиграть эту последнюю битву, но и её я проиграл.

– В чем-то я Вас понимаю, я вот тоже не хочу, чтобы смерть меня забирала, но моей борьбе пришел конец, – сказал он и посмотрел вниз на дорогу, – видите машины.

– Вижу, – ответил я и посмотрел на них.

– В каждой из них сидят люди, которые возвратятся к себе домой, к семьям, включают телевизор, нальют бокал вина или коньяка и будут жить, а я уйду. Все говорят, что телевизор у нас забирает время, не дает возможности жить, но они не правы. Они даже не подозревают, что этот телевизор и есть

жизнь. Они постоянно смотрят этот же телевизор, смеются возле него с друзьями, нежатся в объятиях своих супругов, супругов, проводят возле него каждый вечер послу тяжелого дня, лежат там, укрывают друг друга пледом, наслаждаются детьми, которые смеются от мультиков. Как же я был бы счастлив вот тоже так проводить время возле этого телевизора, но мое время иссякло.

– Мудро ты говоришь для своих лет, – сказал я.

– Когда смерть стучится в дверь, ты начинаешь на все смотреть по-другому. Ты видишь все в других цветах, – он хмыкнул.

Я на него посмотрел, сделал последнюю затяжку и бросил окурок с балкона.

– Сколько тебе лет? – спросил я.

– 17.

– Юн ещё, а сколько осталось?

– Не больше недели.

– Хреново, – сказал я и посмотрел на него. Он улыбнулся, я тоже засмеялся. Я его погладил по плечу. Мы с ним начали смеяться.

– Вот вам сколько лет? – спросил он.

– 40.

– О, почти как моя мама.

– Сколько маме твой? – спросил я

– 35. Это у вас дети наверное такие, как я, – сказал он.

– У меня нет детей.

– Хреново, а супруга хоть есть? – спросил он.

– И супруги тоже нет – сказал я.

– Теперь я понимаю, почему Вы решили покончить с собой. Я б на вашем месте так бы сделал тоже.

– А у тебя то родители есть? – спросил я.

– Мама есть, а отца не было никогда. Были ухажеры мамины, но отца никогда не было.

– А что случилось? – спросил я.

– Та фиг его знает, я у неё постоянно спрашивал, но она как-то убегала от этой темы. Всегда только говорила, что он был очень хорошим человеком, и что так сложились обстоятельства, что они разошлись. Ложь это все, – сказал он и нагнулся вниз.

– Почему ты так думаешь? – спросил я.

– НУ вот сами подумайте, был бы он таким хорошим, бросил ли он одну маму беременную. Нет конечно. Вот узнал, что она от него забеременела и давай в кусты. Крыса паршивая.

– А может и вправду что-то было не так? – ты же не знаешь.

– Та что там нужно знать: не мне его судить, но все же, он козел. Во-первых, она была беременна, во-вторых, она же у меня красивая, самая красивая в мире.

– Такая красивая? – переспросил я.

– Самая-самая, – сказал он и достал фотографию с кармана, – вот посмотрите. Это правда 18 лет назад, но она ни

капельки не постарела, наоборот даже, ещё больше похорошела.

Меня охватил ужас и радость. Я был поражен и изумлен.

– Это твоя мама? – шокировано спросил я.

– Да, это она, красивая, правда? – спросил он.

– Да, очень красивая, – сказал я.

Значит вот как оно получается, Маш, – подумал я, – почему же ты мне не сказала тогда. У меня есть сын. У меня есть сын, у меня есть сын, – все думал я, – меня охватила невероятная радость, но тут же она перешла в большую тоску и грусть, – и скоро у меня его же и не станет. Я вот только узнал, что у меня есть сын, и скоро его уже не будет. О, Господи, за что ж ты со мной так. Что ж я тебе такого сделал, почему ты меня так ненавидишь? – спросил я себя сам.

– Что-то не так? – спросил он.

– Нет, все нормально, – ответил я.

– Вы просто какие-то удивлены, – сказал он.

– Мама просто у тебя очень красивая.

– Что есть – то есть, все говорят, что я в неё, а вы как думаете? – спросил он меня.

– Я думаю, они правы, у тебя ещё сигарета есть? – спросил я.

– Да конечно, – сказал он и протянул мне сигарету, потом закурил сам. Мы с ним стояли и курили. Нужно вместить в эту ночь все, что люди вмещают во всю жизнь, – подумал я.

– Слушай, а пойдем на улицу погуляем, – предложил я.

– Нас же не выпустят.

– Ну, а мы попытаемся договориться или тайком прокрадёмся.

Мы вышли с балкона и пошли на первый этаж. Возле входа спала комендант, мы подергали за ручку, но открыть так и не получилось, дверь оказалась намертво закрыта. Лишь своим шумом разбудили собаку, что начала лаять, но никто к счастью не услышал. Я тихонько прошел мимо коменданта и взял ключ от входа. Мы вышли, на улице был теплый летний день, дул легкий вечер, пели птицы, машин почти не было. Наверное, это тот момент, когда все тебе благоволит. Отличная погода, никаких преград к целям и умиротворяющая тишина, которая заполняет все вокруг. Я обнял его за плечо, сделал глубокий вдох.

– А жизнь все-таки прекрасна, даже со всеми её изъязнами.

– Что-то Вы больно счастливы, как для суицидника.

– А может я на то и суицидник, чтобы заново родиться, – сказал я, и мы пошли вдоль больницы.

– А я может на то и умру, чтобы заново родиться.

– Так у тебя рак? – предположил я.

– Да, он самый. Врачи говорят, что шанса на спасение нет.

– Как я сказал, это хреново.

– Как-то Вы отвечаете не так, как другие. Все в основном то ахают, соболезнуют, а Вы как-то просто.

– А что изменит, если я буду тебя жалеть. Ты от этого не поправишься. Просто будь готов.

– Я уже готов.

– Хм, вот это правильно. Смотри, – сказал я и остановил его рукой. На лужайке возле больницы лежала две больших собаки а возле них – щенки.

– Красиво, – сказал он, – жаль, но я больше этого не увижу.

– Знаешь, в смерти есть плюс.

– Какой?

– Все обретает свой смысл, – я посмотрел на него, он мне улыбнулся и опять посмотрел на щенков.

– Как тебя кстати зовут то? – спросил я.

– Максим, а Вас?

– Тоже Максим, – я ответил и обнял опять его за плечо. Мне хотелось поближе его узнать, прикоснуться. Догнать то, что было утеряно. Понятно, что это нереально, но попробовать стоило. В этот момент я всем своим нутром почувствовал, что он мой, мой сын, ведь наша близость уже была видна невооруженным глазом, это родство, – а как твое отчество?

– Максимович.

– Получается, ты у нас Максим Максимович.

– Да.

– А чье тогда отчество тебе дала мама? – спросил я.

– Моего отца, она его любила. Сказала, что таких людей никогда не встречала.

– Но ты его ненавидишь?

– Нет, не ненавижу. Мне вот просто интересно, как он

смог оставить беременную женщину. Просто интересно, а ненависти нет, – сказал он и посмотрел на дорогу.

Мы с ним пошли дальше, мы разговаривали о жизни, он рассказывал о Маше, как он вырос, как учился, чем занимался, что любит делать и вот в один день это все оборвалось. Уже почти светало, было около 5 часов. Мы с Максимом сидели на лавочке и просто говорили.

– Давай иди, – сказал я, – а то скоро нас заметят.

– Спасибо Вам за эту ночь. Первый раз за все время я перестал думать о смерти, а просто наслаждался жизнью. Вы правду сказали, смерть делает все осмысленным, – он улыбнулся мне, мы встали и пошли в больницу. Максим остановился.

– Макс, что случилось? Пойдем.

– Та подождите, что-то голова закружилась. Он начал шататься немного, его глаза удалялись. Максим пошатнулся и упал, я успел его поймать, чтобы положить на асфальт. Я начал кричать и звать на помощь, на мои крики с окна выглянула медсестра, она увидела нас и побежала... Через две минуты возле меня стояли несколько санитаров с врачами и медсестра. Максима положили на качалку и увезли. Я последовал за ними.

Через два часа он проснулся и взглядом стал рыскать по палате, но делал это очень неуклюже. Видимо, ему было тяжело. Я сидел рядом в кресле. Он посмотрел на меня и улыбнулся.

– Вот так и уходит жизнь.

– Максим, я хочу тебе кой-что сказать, – сказал я.

– Не нужно, пап, – он посмотрел на меня, его глаза были полны слез.

– Ты узнал, – я заплакал.

– Когда тебя сюда привезли, я увидел твое лицо и вспомнил мамины фотографии. Я тебя сразу узнал. Сначала, я возненавидел тебя, а потом понял, что время уходит, и тратить его на пустые чувства, необоснованные ни на чем я не могу, а лишь узнать ПОЧЕМУ, просто понять, какой ты и провести это время с тобой.

Я плакал, склонив голову на кровать.

– Прости меня, что не появлялся. Я не знал про тебя. Если бы я узнал, я бы все отдал, чтобы прожить всю эту жизнь с тобой, – я поднял голову и вытер слезы, – просто, когда твоя мама забеременела, она мне сказала, что сделала аборт. Я думал, это правда. Я разозлился на неё и уехал, и вот сейчас я встретил тебя, моего сына, и вот сейчас я прощаюсь с тобой, с моим сыном.– Она мне все это рассказала, я это знаю. Она пожертвовала собой и мной ради твоей карьеры, твоего будущего. Она знала, что тебя ждет что-то большое и принесла нас в жертву.

– Посмотри чем обошлась эта жертва, – сказал я, – и показал ему свою руку. Он засмеялся, я тоже начал смеяться. За дверью послышался чей-то голос. Показалась Маша. Она ни капли не изменилась. Её глаза были пухлые от слез, а ру-

ки дрожали, Максим тяжело дышал. Маша подошла к нам и посмотрела на меня.

– Нет времен разбираться, – сказал я, – время уходит. Она села рядом и взяла сына за руку.

– Как ты, зайчонок.

– Та вот с отцом знакомлюсь, – сказал он.

Я улыбнулся. Маша заплакала и положила голову мне на плечо.

– Хватит, – сказал Максим, – это ничего не изменит. Я все равно умру, и ты можешь плакать, а можешь провести это время со мной и с отцом. Ведь первый раз мы вместе. И должен сказать, это самый прекрасный момент в жизни. Я более чем уверен, – он тяжело дышал, – никто не испытывает такого счастья, как я, ведь со смертью смысл обрета...

Кардиомонитор начал резко издавать длинный, монотонный писк, что завис у меня в мыслях эхом.. Глаза потухли, голос утих. Маша кричала и плакала. В палату вбежали врачи и вывели нас, они забрали Максима и увезли в операционную. Маша плакала. Доктор вышел через час.

– Простите, – он развернулся и ушел. Маша закричала и начала ещё сильнее плакать. Подбежали санитары и, схватив ее, сделали ей укол снотворного. Она уснула. Я подошел к медсестре, взял номер Маши и ушел.

Дома я налил стакан виски и закурил сигару. Я все думал, как уходит жизнь, и вот ещё раз я проиграл, я сделал глоток, подошел к окну и увидел жизнь.

– Бегите, но только во время смерти вы поймете, что на самом деле обретает смысл, – сказал я, закончил свой виски, затянул сигару и пошел за компьютер, я выключил свет, синий отблеск от монитора заполнил комнату, дым расплылся по комнате, в мыслях играл Бах. Я включил Word и начал печатать. Я пил и печатал, глаза были полны слез, а внутри пустота, которая постоянно давила. Закончив, я один вариант оставил на столе, а другой положил себе в сумку, и позвонил Маше.

– Маш, это.

– Я узнала.

Я слышал, как она всхлипывала в трубку.

– Когда будут похороны? – спросил я.

– Завтра.

– Хорошо, – я сказал и отключил.

На кладбище людей было много среди которых я увидел Машу, стоящей над гробом. Она плакала, наклонив голову над сыном, что там лежал, такой же молодой и юный с застывшей улыбкой, которая так и излучала доброту. Он ушел счастливым. Это самое главное: уйти, не сожалея об уходе.

Я стоял в стороне и не подходил. Начался дождь, даже небо плакало. Все ушли, лишь Маша так и дальше сидела под проливным дождем, склонив свою покрытую голову над надгробием единственного сына. Ее слезы текли ровно бесконечным ручьем, сливающимся с дождем в единое целое, хотя и казалось, что плакать уже и нечем, но она без устали

продолжала. Я подошел, положил свой рассказ рядом с могилой. Маша и дальше молчала, не сказав ни слова. Она даже не смотрела в мою сторону.

– Это тебе, сын мой. Тебе бы понравилось, – сказал я и сел возле Маши. Наши посиделки недолго продлились. Дождь начал лить еще сильнее, что уже сказывалось на самочувствии, и возможность там находиться уже усложнялась. По виду Маше понятно было, что физически она уже находиться не могла: зубы стучали, а руки под каплями дождя дрожали.

– Пойдем, – предложил я ей.

Маша бросила на меня жесткий, осуждающий взгляд, но тем не менее молча согласилась и поддалась на мое предложение. Я помог ей встать, положив в карман свой адрес, и мы пошли. Она поехала домой, поймав такси у магазина, а я зашел внутрь за очередной порцией виски. На улице шел дождь, люди бежали, капли бились об асфальт. Я откупорил бутылку и пошел к мосту, потягивая маленькими глотками виски, который меня согревал от холодного дождя, что так и заливал все вокруг. С меня стекала вода, дождь лил все сильнее, я допил виски и шел по мосту, рассекая лужи окончательно мокрыми ногами; внизу ехали машины. А в моей голове отчетливо сияла яркая улыбка моего сына, которая указывала путь среди света. Зазвонил телефон. Это была Маша.